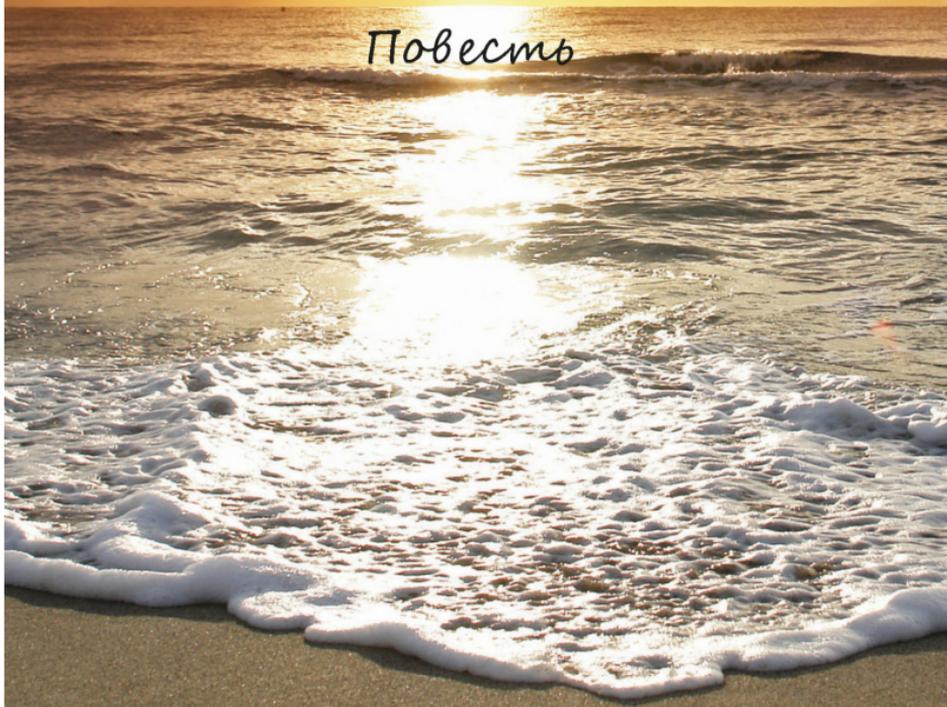

Максим Лазарев

ВОЛНЫ ЗАБЫТОГО ЛЕТА

Повесть

Максим В. Лазарев

Волны забытого лета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65170192

Волны забытого лета: Перо; Москва; 2021

ISBN 978-5-00171-972-4

Аннотация

Очень лиричная, тонкая, и вместе с тем необычайно смешная история. Замечательный русский язык, тонкий юмор и доскональное знание ушедшей эпохи и психологии человека, делают произведение ярким и запоминающимся. Начинаешь читать и просто проглатываешь на одном дыхании. Прекрасный образец русской литературы, без преувеличения находящейся в одном ряду с ранними рассказами Антона Павловича Чехова и произведениями Сергея Довлатова.

Заслуженный деятель искусства Российской Федерации. Академик киноакадемии «Ника». Член правления гильдии кинорежиссёров России Ахатов В. Б.

Максим Лазарев
Волны забытого лета

Уже и не вспомнить, из-за чего тогда произошла их ссора. Кто был виноват, и был ли кто-то виноват вообще. Но факт остаётся фактом: они поругались. В первый раз за два года. И поругались так серьёзно, что она собрала вещи и ушла к маме. А ведь через два дня они должны были уезжать в Крым, давно планировали эту поездку, готовились. Даже купили такой модный и дорогой «Полароид». Плюс сосед по дому Андрей в компании своих друзей тоже уезжал в Крым и почти туда же – в Коктебель. И поездка обещала стать весёлой. А как иначе, когда тебе двадцать восемь, любимой жене двадцать один, а вокруг весёлые друзья, и к тому же есть деньги? Отдых был обречён на успех. Но случилось то, что случилось. Она ушла. Спустя уже много лет они будут пытаться вспомнить, что же тогда произошло, и не смогут. Так бывает. Молодость. Амбиции. Ревность. Непонимание. Мельком сказанное грубое слово. Да не важно что! Или всё это вместе... И вот уже кажется, что все мосты сожжены, ничего не изменить и жизнь закончилась.

Он впал в депрессию. День тупо пил, на второй тоже пил, но теперь не один, а собрав вокруг всех своих друзей. И, опять же, уже не вспомнить, кто был тот человек, или это

была коллективная мысль, но прозвучало: «Ему надо уехать в Крым!» Там он успокоится, успокоится и Татьяна. А вернётся через три недели, и будет видно. Может, всё устаканится, может, нет. Но уехать ему нужно. Тем более, что билеты есть, деньги есть. Нужно ехать. Но отпускать его одного никто не хотел. Несмотря на непростой, можно сказать, скверный характер его все любили. А уж бросать точно никто не хотел. Первая предложила помощь родная сестра. Наташа так и сказала:

– Я с тобой поеду, буду следить, чтобы глупостей не наделал. А то ещё напьёшься и сиганёшь с какой-нибудь скалы.

– Это он запросто может, – пробурчал в усы друг детства Лёня. – Он же идиот.

– Кто идиот? – раздалось почти хором. – Лёня, ты о чём? Это Макс идиот?

Лёня философски ухмыльнулся и выдал не менее философское:

– Конечно. Макс ведь гений. Это все знают. А раз гений, значит, идиот. Это же понятно.

После чего налил рюмку водки, выпил и стал неумело раскуривать сигарету.

Началось шумное обсуждение, кому нужно поехать, чтобы Макс не сиганул со скалы. Очень скоро выяснилось, что не может никто. У Лёни молодая жена, у Вити срочная работа, у Лёхи просто работа, которую нельзя бросить, а то уволят. Паоло Сербандини, его итальянский друг, тележурна-

лист снимавший о нём фильм в 1992 году «Год после путча», разочарованный, что не получится снять продолжение «Три года после путча», и сидевший всё это время молча, проговорил:

– Я, конешна, не всё понимал про гений и идиот. Но я понимал так. Нужне третье человек. Но бильетоф всего два. Я могу купить дипломатическая касса. За валюту.

– От же блять... Русскому человеку не х... ничего не купить, жрать нечего, а иностранцам пожалуйста. Всё что угодно. Только валюту подавай, – опять пробурчал в усы Лёня. Он уже хотел пуститься в свои любимые пространные разговоры про политику и преступный ельцинский режим, но его перебил Лёха.

– Лёнь, погоди. Паоло хочет помочь, как я понимаю. И в отличие от нас предлагает реальную помощь. Мы уже два часа сидим. Только водку пьём. А как помочь Макси, так и не решили. Понятно, что Макси не горит желанием ехать с одной Наташкой. Я его понимаю. Это же непонятно, кто из них должен за кем следить. То ли Макси за сестрой, как старший брат, то ли Наташа, чтобы Макси там не загулял. Я вот что предлагаю... – он повернулся к своей жене Татьяне и спросил: – Тань, а ты не хочешь поехать отдохнуть? А что? Покупаешься, позагораешь. Видишь, у меня в этом году с отпуском не получается. В Макси я уверен. Вам с Наташкой будет не скучно. Я думаю, что хорошо отдохнёте. Что скажешь?

Татьяна улыбнулась, потом задумалась. Будучи женщиной

серьёзной и ответственной, она прокручивала в голове все «за» и «против» такого поворота ситуации. Все молчали. Наконец Татьяна вышла из внутреннего погружения, вытянула из пачки тонкую сигарету и, взглянув мужу в глаза, произнесла:

– Лёша, если ты считаешь, что так нужно, и ты справишься тут один, то я поеду. Почему бы и нет?

Раздался коллективный выдох. Наконец-то всё разрешилось как нельзя лучше. Компания загалдела, раздался смех, на лицах появились улыбки. Все подспудно чувствовали за собой если и не вину, то точно какое-то неудобство из-за того, что не могут сами составить компанию Максиму. Опять же не вспомнить, кто первый предложил скинуться дополнительно деньгами, но по кругу пошла хрустальная ваза, и все стали кидать в неё пока так и не ставшие привычными деньгами смешные ельцинские фантики со множеством нулей. И даже всегда скупой Лёня долго слюнявил пальцы, отсчитывая мятые купюры, а потом, крикнув сакральное «а блять!», бросил в вазу всё содержимое кошелька. Последними на цветную кучу легла сложенная вдвое не сильно толстая, но всё же существенная пачка таких вождельных тогда долларов.

– Паоло, ты-то зачем? Ты ж билет будешь покупать! Хотя понятно, вам, капиталистам, это копейки, – как всегда ворча, пробубнил Лёня.

– Это есть кроме билет. Билет я буду покупать. А это

подарок моему другу Массимо. Будем считать это проценты от прокат фильма о нём на канал РАИ один. Дивидент. И я Лёня никак не есть капиталист, я журналист. И я камунист!

Все рассмеялись и уже совершенно с другим настроением стали разливать по стопкам водку. А когда допили всё, что ещё оставалось, искренне выражая благодарность Подкатовым, обнимая Лёху и целуя ручку Татьяне, стали разъезжаться. Последним уехал Паоло, пообещав вернуться часа через три с билетом.

Сейчас, по прошествии четверти века, всё это кажется смешным и наивным...

Но в тот вечер он, наверно, впервые в жизни ощутил, что его действительно любят и ценят. Он ещё несколько раз позвонил Лёхе, боясь, что тот передумает и не отпустит супругу. Позвонил любимому деду и попросил ещё денег. А как иначе?! Если и Татьяна, и Наташа готовы ради него пожертвовать и своим временем, и своими планами, а Лёха так вообще репутацией: отпустить молодую жену, одну, пусть даже и с близким другом, – это дорогого стоит. А значит, он не может позволить себе, чтобы отдых был бедным и скучным. И обязан сделать всё, чтобы они ни в чём не нуждались. Наконец сложив все бумажные капиталы и аккуратно их пересчитав, он был приятно удивлён. Кроме подаренных Паоло и своих накопленных долларов в количестве одной тысячи, имелась существенная кипа родных деревянных, выражавшаяся в смешной цифре пять миллионов. Что по курсу две

тысячи рублей за один доллар прибавляло ещё две тысячи.

– Итого, четыре тысячи баксов. Минус пятьсот на обратные билеты. Получается по тысяче на человека, на четырнадцать дней. Плюс ещё в загошник пятьсот... Нормально. При цене кабака в Москве где-то пятьдесят баксов на человека – даже более чем нормально, – удовлетворённо произнёс он и стал распахивать деньги по бумажникам.

Закидав в сумку пару брюк, пару футболок, плавки и шорты, он распахнул окно и, усевшись на подоконник, закурил. После грозы воздух, напоённый озоном, пьянил и как будто заново наполнял все клеточки жизнью.

– Эх, Танюшка, Танюшка... Зачем ты так... Я же тебя люблю. Ну, ничего, вернусь, а там ещё посмотрим... А сейчас на море! И не думать ни о чём! Всё! Только я, Наташка и Таня Подкатова! И нет больше никого в этом мире.

Он выкинул сигарету, погасил свет, упал не раздеваясь на диван и тут же провалился в сон.

* * *

Суета перрона всегда вносила в его жизнь ощущение перемен. И хотя за последние три года он исколесил на поездах и облетел на различных самолётах всю страну, от Мурманска до Сахалина и от Салехарда до Еревана, это ощущение никуда не девалось и каждый раз наполняло его хорошим настроением, предвкушением чего-то интересного и заставля-

ло по-иному биться сердце.

Они стояли у вагона, до отправления оставалось совсем чуть-чуть. Он, пребывая впервые за три дня в хорошем настроении, курил и рассказывал что-то смешное. Лёха и Наташа смеялась. Татьяна натянуто улыбалась и курила, нервно теребя тонкими пальцами такую же тонкую чёрную сигарету «Морэ». Было видно, что она напряжена и всё-таки до сих пор переживает, правильно ли поступает, оставляя любимого мужа и отправляясь так далеко, пусть и с хорошими, но чужими людьми. Лёха, словно почувствовав эту её напряжённость, весело произнёс:

– Ну ты чего? Всё будет хорошо! Отдохнёшь,купаешься! Персигов мне привезёшь! Как бы я хотел с вами! Но ты же знаешь: не могу. Поэтому давай за двоих отдохни! В Максиге не сомневайся, я его знаю! Да и ребята его, с кем едете, Андрей и как там второго... тоже мне понравились. Серьёзные мужики. Если что, всегда помогут. Ну всё, пора вам в вагон. Вон уже проводница нам машет. Дай поцелую, – он обнял жену, чмокнул в щёчку Наталью и, пожав руку Максиму, пробасил:

– Смотри там! Чтобы вернул в целостии сохранности! Хорошего вам отдыха! Всё. Давайте в вагон!

* * *

Поезд тронулся, оставляя за окном толпу провожающих,

бесконечные, заставленные вагонами пути курского вокзала, и медленно, словно втягиваясь в тяжёлую и долгую работу, загромыхал стыками рельсов, увозя к далёкому морю. В купе их было трое.

– Ну что ты загрустила, Танюш? Как будто уже жалеешь, что поехала. Ну извини, что так получилось. Всё будет хорошо. Я обещаю вам отдых на все сто баллов!

Татьяна уже хотела что-то ответить, когда в проёме двери появилась фигура проводницы. На выглаженной безупречно блузе висел бейджик с гордым именем Мария. Она поправила уверенным жестом дембеля ВДВ свой ярко-синий берет, убрала за ухо привычным движением локон крашенных волос и широко улыбнулась, демонстрируя два ряда золотых зубов:

– Граждане пассажиры! Готовим билетики! И по пятьсот за бельё! Так... билетиков у нас три. Едем до конца... Место будем подселять или как?

– Или как.

– Двадцать баксов.

– Так билет стоит тридцать! Давай за десять, – он улыбнулся. Понимал, что торговаться не имеет абсолютно никакого смысла, но по опыту знал, что нужно сразу показать хозяйке вагона, что тут не лохи, а почтенные граждане. Уважающие и её, но и не забывающие про себя.

– Это в кассе тридцать, а тут, дорогой, другая касса и другая такса. Так что или подсеяем по дороге, или двадцатка.

С такими красавицами едешь, а торгуешься! – и она снова осветила купе отблесками самоварного золота.

Он посмотрел на Татьяну – та кивнула. То же самое сделала и Наталья.

– Уговорила! Держи двадцатку, – он протянул проводнице деньги и добавил: – Когда соберёшь, Мария, все билеты и налоги, зайди расскажи, пожалуйста, что хорошего ещё есть у тебя в вагоне. Дорога-то длинная. Я уверен, что такой опытный работник, как ты, всегда найдёт чем порадовать дорогих пассажиров. И бельишко нам сделай сухое, пожалуйста!

– Вот сразу видно знающего человека. Хотя и молодой. Видно, покатался уже по ЖД! Обязательно зайду, обязательно расскажу. Приятного пути вам, красавицы, располагайтесь! – и, одарив всех ещё раз сверкающей улыбкой, вышла из купе.

– Ну что, девчонки? Поехали! Хорошего всем нам отдыха! Так... Вы давайте переодевайтесь, распаковывайтесь, кстати, Наташ, там же бабушка нам что-то собрала с собой! Наверняка курочка и картошечка. У меня в сумке бутылка водки и вино. Но их пока не доставайте. Хозяйка когда зайдёт с бельём, потом. Короче, разбирайтесь, а я пойду покурю.

Протолкнувшись через выстроившуюся в ещё закрытый туалет очередь, он вышел в тамбур. Там на удивление ничего не было. Он закурил и стал смотреть в окно. Поезд уже выехал из Москвы и, набрав ход, мчался мимо нескончаемых дачных участков, крошечных шестисоточных огородов

и бесконечных подмосковных полей и перелесков.

Хлопнула дверь тамбура, он обернулся.

– Дружище, дай прикурить, – низким баритоном прохрипел вошедший и широко улыбнулся.

Не ответить на такую простую и добродушную улыбку было невозможно. Он протянул зажигалку. Личность мужика, а точнее, молодого парня была колоритная. Здоровый – выше его почти на голову, широкоплечий, стриженный почти наголо детина. В выцветшей, выдавшей виды тельняшке, в синих спортивных штанах «Адидас», почему-то с двумя полосками, и в красивых, крокодиловой кожи, остроносых ярко-рыжих ботинках.

– Привет, – молодой человек протянул руку. – Меня Гена зовут.

– Максим, – он пожал протянутую руку. Рукопожатие было крепким, надёжным. Но без демонстрации силы.

– В армейке служил? – так же широко улыбаясь и дохнув устоявшимся перегаром, спросил Гена.

– Служил.

– Кем?

– Да так... Хлеборезом на кухне.

– Здорово! Повезло. А я на Северном флоте! В Северодвинске. А ты где?

– В Лимпомпо.

– Это где?

– В Африке.

– Точно! Это где Айболит был? Здорово! Повезло! А там чё, негры одни?

– Ага, одни негры. И крокодилы с бегемотами.

– Здорово! Повезло!

– Почему? – Максим готов был рассмеяться, но сдерживался. Парень был ему интересен.

– Потому что хоть кто-то есть. У нас вообще никого не было. Все бабы – одни жёны комсостава. Кругом вечная мерзлота и сопки. Даже пивняка не было. Хоть в увал не ходи. Скука. А ты на юг едешь?

– Да тут весь поезд на юг едет!

– Ага. Здорово. Макс, а у тебя выпить есть? А то мы уже с другом выпили всё. Мы ж семьёй едем. Я, жена и друган. Сослуживец мой. Он брат жены. И сынуля мой ещё. Но он не пьёт. Он маленький – четыре года.

– Когда же вы успели всё выпить? Поезд же только полчаса как отошёл, – разговор становился комичным и поднимал настроение. За много лет он полюбил вот такие истории, может, придёт время, и он когда-нибудь вспомнит их все и напишет книжку...

– Так мы это... мы ж ещё дома начали. На посошок. Потом на вокзале. За поездку! Приехали-то за три часа, чтоб не опоздать. Ну, а как сели на паравоз, сразу за посадку выпили. Это, как говорится, сам Бог велел. Не рассчитали. Мало взяли. Закуски полно, а выпить нечего. А ресторан, я узнавал, только в обед откроют. Потом и на станциях будут выносить.

Но башка же не потом – она сейчас болит. – Он опять улыбнулся. Но уже грустно и даже, показалось Максиму, философски.

– Есть, Гена, у меня заначка. Выпьем. Но у меня там сёстры переодеваются. Давай пока покурим ещё. Ты сам-то из Москвы? Чем занимаешься?

От этих слов Гена расцвёл на глазах, словно пробудившаяся после зимы сирень. У него засветились глаза, и даже появился здоровый румянец.

– Я, Макс, москвич. Коренной! Папа еще в шестьдесят пятом в Москву из Рязани приехал. Живём на Масловке. Работаю на «Борце» токарем. Тебе ваучер дали? Мне дали! В конце года ждём эти... как их... ну эти...

– Дивиденды.

– Во! Точно! Их. Я же свой, матери моей и жены – все вложил. Многие продали. А я нет. Думаю, хорошая штука. Ну чё? Может, твои переобулись уже? Может, бухнём за встречу? – он сглотнул слюну и выкатил глаза.

– А пойдём! Закуска, говоришь, есть?

– Да, как грязи! Я же с женой, так она это, два дня кашеварила в дорогу! Там и оладушки, и котлеты, и картошечка. И банка огурцов. До Харькова дотянем. – Он рассмеялся своей добродушной рязанской, почти есенинской улыбкой и обнял Максима за плечо.

– Ну, тогда вперёд!

Он постучал в купе.

– Заходи. Только тихо. Татьяна спать легла. У неё голова разболелась. Сказала два часа не будить. Если ты кушать хочешь, то всё на столе. А я бы тоже часок вздремнула. Да, эта твоя золотозубка заходила. Тебя спрашивала. Сказала, чтобы ты к ней зашёл, у неё есть к тебе масса предложений, – выдала без пауз сестра и, заметив за спиной Гену, продолжила:

– Если ты за водкой, то она у тебя под подушкой. Я достала, чтобы ты Таню не будил.

– Спасибо, Натуль. Отдыхайте. Я в гости в соседнее купе. Это Гена. Знакомься. С Масловки. Почти земляк. Закуска нам не нужна. Он с женой, и у них сухпаёк на роту. Я там буду. Вы отдыхайте. Только щеколду подними. Как проснётесь, зайдите к соседям. И пойдём в ресторан ужинать, – и он аккуратно, чтобы не хлопать громко, задвинул дверь купе.

– Так, Гена, одной, я так понимаю, нам будет мало. Пойдём за мной, – и он двинулся в начало вагона, где по установленной ещё в прошлом веке норме располагалось купе проводника.

– Привет, Мария!

– О! А я заходила, не застала. Ну что, мужчины? Есть проблемы? – и солнце снова ворвалось в маленькое купе, сверк-

нув жёлтым отблеском её улыбки.

– Так, Мария, это мой друг Гена. Токарь-акционер. Ветеран Северного флота. У них проблема. Закончились бодрящие напитки, а у него жена и маленький ребёнок. И ещё брат жены. И чтобы перенести все тяготы и лишения дальней поездки, ему нужна помощь.

– Всё понятно. Можешь не продолжать. Водка? Вино? Пиво? Чай не предлагаю – думаю, для ветеранов не актуально.

– Машенька, дай нам пока на пробу бутылку водки.

– И пива пять бутылок! – вставил в разговор Гена свои пять копеек. – У меня жена пиво очень уважает.

– С вас, мужчины, двадцать баксов.

– Макс! Она чё, охренела? Сорок деревянных косарей за бутылку? Да у меня и баксов-то нет. У хохлов, говорят, и наши рупии берут.

– Гена, это же сервис. Не хочешь так, будешь ждать до Харькова. Доставайте, Машенька, ваш золотой запас! И на бонус дай мне бутылку минералки.

– Ушлый, чёрт! Люблю таких мужиков. Ладно, будет тебе даже два бонуса, – и проводница распахнула маленький холодильник, стоявший под столиком. – Смотри! Во-первых, всё холодное! А во-вторых – твоя минералка!

* * *

Картина открывшаяся перед ним, когда он вошёл в со-

седнее купе, была достойна лучших творений Зоценко или Аверченко и уж точно заслуживала того, чтобы отложиться в памяти. Слева у окна сидела внушительного вида и размера женщина. В руках она держала надкусанную куриную ножку и большой солёный огурец. На столе, словно сошедший с полотен Снейдерса, был разложен достойный натюрморт. Большой горкой высились на газете котлеты, возлежала жареная курица, россыпь варёных яиц дополняла живописные развалы помидоров, редиски и прочих природно-огородных даров. У окна стояла початая трёхлитровая банка солёных огурцов, накрытая тарелкой со стопкой оладий. С краю приютились зачем-то заказанные, но нетронутые три стакана с чаем в подстаканниках.

Напротив с грустной физиономией сидел Гена номер два. Или его близнец. Или клон Гены. Или его двойник. В точно такой же тельняшке и точно таких же «адидасовских» штанах. Парень грустно смотрел в окно, часто моргал, и было понятно, что ещё чуть-чуть – и он заснёт. На верхней полке спал упитанный мальчик лет пяти. Он обнимал большой железный трактор, который ещё немного, и должен был выскользнуть из его рук и упасть любимой маме прямо на голову.

– Вот, Галь! Знакомьтесь! Это Макс. Наш сосед. Классный чувак. В Африке служил. У него есть бухло. Я его к нам в гости позвал. Макс! Это моя жена Галя. Это её брат и мой кореш Вова. Вова, это Макс! Макс, проходи! Присаживайся.

Вова, достань посуду.

– Здравствуйте, – Максим улыбнулся Галине и протянул руку вмиг посвежевшему Вове. – Значит, мы соседи. Зашёл познакомиться. Мои все спят. Решил к вам на огонёк. – Он выставил на стол две бутылки водки. – Гена, где пиво? А это вам, Галина, Гена сказал, что вы любите.

Глаза Галины, до этого сощурившиеся в подозрительные щёлки, пронизывающие его насквозь, моментально засветились добродушием и гостеприимством.

– Проходите, пожалуйста! Садитесь. Милости просим. Ты чего, заснул, Вова? Давай стакан! Покушайте с нами. Вот котлетки свои, курочка.

Через полчаса, когда Максим вышел в тамбур перекурить, ему уже казалось, что жизнь не такая противная штука. И что в мире ещё много простых и добрых людей. И они не только среди его друзей. Их ещё можно и на улице встретить.

– Смешная семейка, конечно! – улыбнулся он собственным мыслям и закурил, по привычке всматриваясь в окно. – Но добрая. Без заморочек. Тот самый народ, который сейчас почему-то принято называть быдлом. Хотя они как раз и есть народ. А быдло – это те, кто повылезал за последние три года из щелей, как тараканы. Всё это жульё и ворьё. Бандосы эти. Бизнесмены эти доморощенные... А эти ничего. Свои.

Он посмотрел на часы и, не успев подумать, что пора бы уже проснуться его женщинам, как в дверь постучали. На пороге, широко улыбаясь, стояли посвежевшие и, судя по все-

му, уже умиротворённые Наталья и Татьяна.

– Здравствуйте всем! Мы вынуждены забрать у вас своё сокровище, – бодро проговорила Татьяна и, нагнувшись, прошептала ему в ухо:

– Там Андрей и Володя зовут в ресторан. Мы, честно говоря, тоже бы поели чего-нибудь.

Он поднялся.

– Спасибо этому дому! Труба зовёт! Галя! Вова! Гена! Дорога ещё дальняя. Увидимся! – и захлопнул дверь соседского купе, обнял за плечи двух женщин и, улыбаясь, произнёс:

– Я рад, Танюш, Натуль, что вы наконец в норме. Всё будет хорошо! Вы не пожалеете! Пошли отметим начало отпуска по-человечески, а то соседи, конечно, люди интересные, но я уже устал от них. Хорошего понемножку... Слава Богу, вы меня забрали. Забавные ребята, я вам потом расскажу.

– Да всё нормально, Лазарев! Ты о чём? Всё нормально! Отдыхаем! Пойдём уже в ресторан. Кушать хочется! Да и выпить можно! – Татьяна рассмеялась, и они бодро двинулись по коридору.

Словно пронесившиеся за окном пейзажи, мелькали блюда на ресторанном столике, где, уютно расположившись, они шумной компанией отмечали начало отпуска. Сразу же то, что предлагалось в меню, было отменено аккуратно вложенной в карман жилета официанта стодолларовой бумажкой. И буквально через пять минут тот же официант принес им листочек в клеточку с перечнем того, «что только загрузили и

пока не разместили в меню». Уже первые строчки исписанного мелким каллиграфическим почерком тетрадного листка вызывали выделение слюны и превращали обшарпанный вагон-ресторан если и не в «Метрополь», то хотя бы в само слово «РЕСТОРАН». А разнообразие напитков просто поражало. И если наличие крымских вин было хотя бы объяснимо, то присутствие уже забытых за десять лет таких марок водки, как «Стрижемент» или «Охотничья», просто повергло в ступор. Цены, нацарапанные карандашом напротив названий, конечно, пугали и заставляли зрачки округляться. Но кто же, скажите, откажется, имея в кармане десять миллионов, от «парной телятины в соусе из белых грибов», да под рюмку «Стрижемента»? А от «осетрины, томленной в молоке», да под бокал белого сухого «Инкермана» 1980 года? Ещё вопрос: а какой мужчина не захочет угостить свою женщину хорошим, настоящим французским шампанским, при этом выставив перед ней большую плошку с чёрной икрой? Вы знаете таких? Я – нет. А если ко всему перечисленному вы ещё и молоды, и здоровы, и вам хочется праздника? И если к тому же вокруг тебя все точно такие же – молодые, красивые и весёлые? А ещё они, что немаловажно, впервые за много лет оторвались от цепи бытовых, рабочих, личных, семейных и всех других бесконечных проблем? Вырвались из серости и убогости, превращённой за последние годы в одну огромную толкучку Москвы? И вдруг в хорошей компании едут к сказочному Чёрному морю, а впереди ещё две

недели волшебного полёта? У вас есть ответы на все эти вопросы?! Ну вот то-то же!

Именно поэтому в тот миг, когда в накуренном воздухе обшарпанного вагона-ресторана все эти факторы сплелись в клубок, а скорее смешались в кем-то там, на небесах, замешанный в такой круто взбитый коктейль, могло получиться только одно – ПРАЗДНИК!

Так бывает всегда, когда в одной точке пространства сходятся все эти или иногда другие, но не менее важные факторы. И, расталкивая друг друга, складываются затем в яркую витражную арабеску, словно стекляшки калейдоскопа. Вот тогда уже абсолютно не важно где, в каком месте это всё происходит! Это может быть шикарный зал самого дорого ресторана Парижа с белоснежной хрустящей скатертью или просто перевёрнутый и накрытый старой газетой ящик во дворе где-нибудь в Марьиной Роще, шикарная яхта, скользящая по ослепительной синеве в лучах предзакатного солнца у берегов Ниццы, или старый пивняк-стоячка с липкими столами и чешуёй воблы на полу в каком-нибудь Чертаново. Потому что ЭТО уже абсолютно неважно! Пьеса написана. Актёрский состав великолепен. Кураж и настроение зашкаливают. Тот наверху, кому положено, уже благословил. А какие вокруг декорации? Да никого уже абсолютно не волнуют декорации – зрелище состоялось! Ведь когда случается праздник, настоящий, не по календарю, а именно по сути своей, по душе и по сердцу, – он остаётся навсегда в жизни. Он мо-

жет забыться на время, отодвинутый текучкой жизни. Может померкнуть в сиянии ярких страниц пролетающих лет. Но он никуда не уходит, а просто ложится где-то на далёких полочках твоего сознания и засыпает там до поры, словно важный исторический документ в архиве. Лежит себе там спокойненько и ждёт своего часа. И вдруг! По прошествии многих и многих лет, как только коснётся ненароком его словом кто-то – так просто, невзначай коснётся того дня, вспомнит, даже не задумываясь, мелкий эпизод того самого праздника души... И тут же, перебивая друг друга, польются, заструятся и полетят до космических высот воспоминания. И заискрится воздух, наполняясь эмоциями до звенящего предела, заиграет вдруг давно забытая музыка, закружится где-то в глубине сознания тот самый калейдоскоп, зарумянятся ни с того ни с сего щёки, и запляшут руки, выписывая кренделя жестикуляции, показывая, КАК всё тогда было на самом деле! И уже не остановить, не прекратить, не переорать, пока не выговорятся, пока не отсмеются и не отmaterятся все те, кто помнит. А потом, в итоге, напитав эмоциями каждую клеточку мозга, увлажнятся и заблестят глаза у всех присутствующих, растянутся губы в грустных улыбках, и окунутся все на миг туда, куда никому и никогда уже не вернуться, – в свою молодость. И уже не вспоминаются просчёты и минусы, да и были ли они вообще тогда, эти минусы?! И уже не обсуждаются поступки и действия – зачем?! А смысл? Ведь всё было здорово! Всё было так классно! Раз мы это вспоминаем

с таким удовольствием, то понятно, что всё было правильно! ПРА-ВИЛЬ-НО. А как иначе? КАК иначе?!

Кто-то спросит: почему? Да потому, что именно так устроен человек! Да что там человек?! Мир так устроен! Вся история человечества так устроена от Адама до Путина! Ведь всегда и везде историю пишут победители...

Стол, накрытый новой, в сине-белую клеточку скатертью, как будто взмахом волшебной палочки заставленный красивыми бутылками различных форм и размеров, на глазах наполнялся содержанием. В увесистом белом керамическом блюде, тяжёлом и солидном, с красивой золотой монограммой на покато боку «МПС СССР», отблескивала зёрнышками отборная чёрная икра. Норвежская селёдка в винном соусе и баночная югославская ветчина словно были призваны придать столу современного – не «совкового» лоска. А большая, ультрамаринового цвета ваза с виноградом и персиками, наоборот, подавляла солидностью, возвращая всех в славные времена застоя. И даже обычные вроде бы вилки с ножами вдруг появились из давно позабытой реальности – не гнутые алюминиевые, а увесистые, из чистого мельхиора. Казалось, что даже они захотели поднять из глубины души, разворошить и разбередить ещё такую не зажившую рану, тоску по потерянной великой стране...

Да какие там вилки?! Расцвел на глазах, словно подсолнух на компостной куче, официант. Его длинное, с признаками цистита и отдающее желтизной лицо засветилось всевозмож-

ными оттенками довольного розового цвета. И даже на лбу проступили капельки пота, свидетельствующие о том, что их хозяин решил поработать. А как иначе?! Это же клиенты! Не те, под условным названием «контингент», что торгуются за два беляша из котятины, а именно клиенты! А значит, есть смысл и улыбаться, и прогибаться, и даже быть где-то «искренне благодарным». Жаль только, что пришли поздно! В одиннадцать закрывать. Ну и чё! Нужно, так и закроем... На «спецобслуживание» закроем! Выгоним всю эту курортную поебень с пивом и трёхкопеечными пирожками и доставим людям (ну и себе, конечно!) удовольствие. Работа есть работа!

– Так, Макс, я угощаю! – сказал, улыбаясь, Андрей. Тот самый сосед по дому, учившийся когда-то с ним в одной школе и старше года на три-четыре. – У тебя вон какие женщины, тебе нужно их содержать и кормить. Вам ещё жильё оплачивать и так далее. А мы в санаторий. У нас проблем меньше. Поэтому сегодня мы с Володькой угощаем. Я правильно говорю, Володь?

– Однозначно! – ответил ему, тоже улыбаясь, Володя. Красивый, добродушный парень, коллега Андрея.

– Да здрасьте! С чего это вы нас угощаете? Мы как бы тоже не бомжами едем. Правда, девчонки? – Максим повернулся к сидящей рядом женской половине его отряда. Те кивнули. – Поэтому давайте пополам.

– Ну окей. Пополам так пополам. Поехали! Заказывайте!

Через пять минут стол уже был заставлен всевозможными закусками и салатами. Наполнены бокалы и рюмки. И под ритмичную музыку перестука колёс сказан первый тост. А потом второй, третий и... понеслось, закружилось празднество, обволакивая и насыщая пространство весельем и беззаботностью. Осетрина сменялась сёмгой, сёмга языком, язык балыком, закуски – горячими блюдами, горячие – десертами, а десерты... опять закусками. И так далее, и так далее, и так далее... За окном уже темнело, а праздник не кончался. Они выходили покурить и подышать на перрон, когда поезд останавливался на каких-то, кто уже вспомнит, каких, станциях, весело отбивались от назойливых бабушек, умоляющих купить сметанку, лучок, варёную картошечку или даже самогон, и снова возвращались к столу. Бегал между кухней и столом официант, довольно улыбался бармен за стойкой, и плыл, улетаая в раскрытые окна, подталкиваемый звонким смехом густой табачный дым...

Разошлись они уже далеко за полночь. Когда бармен сказал, что, к глубокому сожалению, вынуждены попросить закончить торжество, так как скоро Харьков, а там длинная остановка, менты, пассажиры и всё такое. Проходя по вагонам спящего давно поезда к своему вдруг ставшему таким далёким купе, они хотя и старались не шуметь, но иногда не выдерживали и хохотали, вспоминая только им интересные моменты закончившегося праздника. За что получали грозное шипение проводниц или сонное бормотание спящих

пассажиров. Наконец добравшись до своей ячейки этого дома на колёсах, они вдруг поняли, что устали. Не дожидаясь Харькова, Наталья и Татьяна тут же решили укладываться. Но ему не спалось.

– Вы ложитесь. Я в Харькове покурю, подышу, а потом уже лягу.

– Смотри, Лазарев, от поезда не отстань, а то ищи тебя потом по всей Украине! – смеясь напутствовала его Татьяна.

– И, Максим, не пей больше. А то я тебя знаю, сейчас опять к этим, к нашим соседям, пойдёшь, – вторила ей Наталья.

– Всё будет хорошо. Не волнуйтесь. Спокойной ночи, – Максим взял со стола новую пачку сигарет и вышел в коридор.

Он стоял в тамбуре, распахнув дверь вагона, и курил. У него имелся и свой ключ от входа в вагоны любого поезда, бороздящие одну шестую часть земного шарика, но он был в чемодане в купе. А там, сладко улыбаясь, спали две прекрасные и такие близкие женщины. Поэтому он просто зашёл к хозяйке вагона и попросил дать ключ. Проводница, открывшая свое купе не сразу, а потом ещё судорожно поправлявшая волосы, выставив вперёд грудь четвёртого размера, перегораживая ему вход в купе, давала понять, что она не одна. Он просто шепнул ей на ухо:

– Маша, дай ключ, я позже зайду отблагодарить, – и нежно засунул в зазывающее декольте скрученную трубочку

из пятибаксовой бумажки. Мария улыбнулась, осветив его необычным, холодноватым отблеском своей улыбки, и проговорила:

– Ну смотри, гусар! Если что – я не давала. В смысле, ключа! – и медленно, уставившись ему в глаза не мигающим взглядом с проволокой, задвинула дверь.

Поезд, сбавив ход, громыхал по бесконечной промзоне, делающей все города братьями-близнецами, настолько, что определить ночью, где и в какой точке бывшего СССР ты находишься, было невозможно. Всё те же бесконечные пакгаузы, склады, семафоры, водонапорные башни и бесконечные вереницы составов, пассажирских и грузовых, паутина непонятно куда уходящих, спутанных в бестолковый клубок рельсов и шпал. Гудки тепловозов и понятные только тому, кто их произносит, объявления из репродукторов. А над всем этим управляемым хаосом – серое в дымке, без единой звезды небо. Одним словом, всё, до последней пылинки так, как в этот же миг было на подъезде к Москве, Минску, Мурманску или Кишинёву. Но ему нравился этот миг, он давно полюбил открыть вот так настежь дверь нерабочего тамбура, стоять и курить, подставив голову ветру, и ни о чём не думать...

Наконец поезд сбросил ход почти до нуля и стал медленно вкатываться на вокзал Харькова. Стоять дальше было бы уже неправильно. Могли заметить открытую дверь, и тогда попадёт проводнице. А это уже запахло. Он щелчком отпра-

вил бычок в темноту, захлопнул дверь, повернул ключ и вошёл в вагон. Как и следовало ожидать, в проходе уже толпились люди. Немного, но тем не менее создавая ажиотаж высадки. Необъятных размеров женщина в розовой майке с надписью «Бьютифул» на груди шестого размера, обойти которую он даже не попытался, с двумя огромными сумками «мечта челнока», перетянутыми для надёжности коричневым скотчем, подавала команды маленькому худосочному мужичку. Тот, поминутно поглаживая стоящие торчком волосы, шмыгал носом и кивал, словно китайский болванчик.

– Идиот! Я же тебе когда сказала, придурку, выйди займи место. Нет! Тебе же, идиоту, нужно умыться! Что там отмыть-то у тебя можно так долго?! А теперь вот! Будем сейчас полчаса волочить товар и в итоге опять опоздаем на автобус. Идиот! Нужно было тебя, мудака, там у фиников оставить. Или в той тошниловке в Москве, где ты заснул. Давай уже открывай, хозяйка! Время же идёт!

В ответ Мария, уже приведшая себя в идеальный порядок, словно хороший солдат, за сорок пять секунд, уже в берете и кителе, открыв дверь, стояла на ступени, выставив вверх закрученный флажок. Шипя и отрываясь, поезд наконец остановился. Максим не торопясь дождался, когда семья новых бизнесменов выгрузит неподъёмные тюки на родную харьковскую землю и, матерясь и ругаясь, потащит их делать людей моднее и красивее, и вслед за ними спрыгнул на перрон.

– Смотри, гусар, не отстань! Ты же кое-что обещал! – Мария озарила тусклый перрон улыбкой.

– Да никогда, сударыня! – крикнул он не оборачиваясь и медленно пошагал вдоль состава, осматриваясь и ища глазами газетный киоск.

Вокруг наперебой шла торговля. Он посмотрел на часы и усмехнулся – два ночи.

– Да... Свободное предпринимательство процветает.

На веренице коробок и ящиков, вытянувшийся по платформе, было разложено, расставлено и навалено всё, чем так богата украинская земля. Кастрюльки с дымящейся рассыпчатой и засыпанной укропом картошкой. Развалы беляшей, пирогов и чебуреков. Шампуры только снятого с мангалов шашлыка, банки с огурцами и помидорами. Ворох зелени. Ящики с черешней. Попался даже один мужик, державший в одной руке пучок новеньких серпов, а другой обнимавший связку штыковых лопат. Захотелось остановиться и посмотреть – а что, реально это кто-то купит?! Но помня, зачем он вышел, Максим, ухмыльнувшись, прошёл дальше. Наконец он заметил худенького пожилого мужичка, стоявшего перед большой коробкой от телевизора, заваленной кипой всевозможных газет и журналов.

– «Вечёрка» Харьковская есть? И вот ещё кроссворды дай. Сколько?

– Двести.

Он чуть не подавился:

– Двести чего?

– Ну как чего? Ваших московских.

Его отпустило. Двести «московских»! Он даже улыбнулся. Это цена коробка спичек в ельцинской Москве.

– Извини, уважаемый! А не подскажешь, бухлом где тут торгуют, в какой стороне?

– Так как всегда! Где вагон ресторан. Ну и у последнего вагона.

– А, ну да. Чего-то я туплю... Спасибо! – и он пошагал дальше, закуривая и осматриваясь по сторонам.

На против вагона-ресторана, в котором им было так весело ещё час назад, наблюдался повышенный ажиотаж. Всплыл из глубин мозга образ: жаркое лето... посёлок Вышгород под Вереёй... Далекый 78-й год... В сельпо завезли варёную колбасу...

Подойдя ближе, он услышал знакомый бас и вторящий ему вторым голосом низкий женский, очень требовательный и командный баритон. Он улыбнулся. Не узнать семью из соседнего купе было невозможно даже на полутёмном харьковском вокзале.

– О! Макс! Хорошо, что ты пришёл! Давай скорей! Смотри, тут это... Ну типа бухло продают. Мы хотим канистру взять. Чтоб не париться уже потом.

– Ага, подскажи моему придурку, что лучше взять. А то он готов всё скупить, а потом типа будем пробовать. Ты человек воспитанный, с образованием. Скажи, что лучше? А

то он всё подряд пробует, уже три стакана слизал. Так, блять, напробовался, что еле на ногах стоит, – громко (а тихо она, наверное, и не умела) прокричала Галина и смачно откусила половину редиски, видно, только что купленной.

– Кто не стоит?! У меня не стоит? Да я в карауле на баке стоял в сорок градусов мороза! – Гена на секунду задумался, его взгляд остекленел, а потом он выпучил глаза и вдруг, издавая тигриный рык, выкрикнул басом так, что стоящие вокруг него люди отпрыгнули, будто их отнесло взрывной волной:

– Северный флот не подведёт! – после этого широко улыбнулся и, подмигивая Максиму, пробурчал: – Макс, давай! Попробуй! Чего взять-то из этого?! А?

– Давай посмотрим, Ген, чем тут народ травят, – и Максим протиснулся сквозь толпу «у прилавку». Торговала моложавая тётка неопределённого возраста, словно сошедшая со страниц произведений Гоголя. Ей не хватало только платка с завязанным на лбу бантиком и огромной синей юбки. А так перед ним стояла та самая Солоха из кино про хутор близ Диканьки, в исполнении Людмилы Хитяевой. С таким же хитрым хохляцким прищуром, статной фигурой и крепкими загорелыми руками, упёртыми в широкие крутые бёдра.

– Ну что, молодые люди? Брать будем? А нет, так проходите и не мешайте! Вон сколько желающих! Ну?! – она сдвинула брови и сверкнула огромными тёмно-кариными красивыми

глазами.

– Мадам, спокойно. Всё будет хорошо. Вы посмотрите на моего друга! – он повернулся к Гене. – Это же герой Северного флота! Подводник! Передовик и бизнесмен! Можно сказать, светлое будущее новой России! И понятно, что он не хочет ошибиться. Поэтому покажите мне товар, а я попробую. И он купит. Что у вас за напитки?

– Шо-шо... Вино, вот шо! Хочешь сухое, хочешь крепленое. Портвейн есть хороший. Лучше всякого «Чёрного доктора»! Тожа мне дегустатер нашёлся, – и она опять сдвинула густые, иссиня-чёрные брови.

– Налей мне по полстакана. Каждого. – И, предвкушая возражения, сразу добавил: – Не волнуйся, оплатим.

Женщина вздохнула, её высокая грудь заходила, словно мехи горна кузницы, но она ничего не сказала, а, нагнувшись, достала три пластиковые баклажки с напитками трёх цветов. Протерев фартуком гранёный стакан, она наполнила его наполовину.

– Сухое. «Шардоне-алиготе».

Он понюхал и выпил. Вино было неплохим. Конечно, не «Шардоне» и тем более не «Алиготе», но настоящее добротное вино без всякого спирта.

– Зачёт. Хорошее.

Солоха усмехнулась. И стала наполнять стакан жидкостью из второй бутылки.

– «Изабелла»! – терпеливо проговорила Солоха и протя-

нула ему стакан тёмно-красного цвета.

Он понюхал, сделал глоток и поставил стакан на прилавок. В этом напитке не было ничего, кроме спирта и краски. И пахло оно почему-то одеколоном «Красная Москва». Это пить было нельзя. Нет! Неправильно сказал! Можно, конечно, и выпить... Но когда есть из чего выбирать, то лучше не надо...

– Извините, а вот это НЕ зачёт, – он передал стакан Солохе.

Та, уже как-то совсем по-другому посмотрев ему в глаза, выплеснула содержимое на землю и откупорила третью бутылку. Налив оговорённые «полстакана», она помедлила секунду, словно задумавшись, а потом долила под ободок.

– Ну на, красавец! Пробуй! Портвейн. «Чёрный доктор». Конечно, никаким «Чёрным доктором» этот напиток не был. Но, что удивительно, оказался очень хорош. Настоящий вкус качественного марочного вина. В Москве в магазинах продавалось пойло на порядок хуже. Типа «Чашмы» или «Карабаха». А это совсем даже ничего! Да что там «ничего»?! Очень даже прилично! Хороший такой, классический «Агдам». Он отпил треть стакана, почувствовав, что уже пьянеет, повернулся и передал стакан Галине.

– Это мы берём, Галина. Это вещь. Гена, сколько покупаем?

– А скока у ней есть, Макс? Скока у тебя есть, мамаша?

– Канистра десять литров устроит, папаша? – Солоха

улыбнулась.

– Беру. Спасибо, Макс. Заходи, как тронемся! Попробуем!

– Да на здоровье, Ген, – и он посмотрел вокруг, ища взглядом, как же ему протиснуться через обступившую толпу, которая наперебой требовала «Чёрного доктора».

– Постой, молодой! – окликнула его Солоха. – На! Это тебе. Спасибо. Заработал. – И она протянула ему что-то завернутое в газету и полиэтиленовый пакет. Он взял и понял, что это, скорее всего, бутылка. И при этом стеклянная.

– И вам спасибо, мадам! Было вкусно.

Дошагав до своего вагона, он остановился у лестницы и закурил. Перрон уже опустел. Ночь вошла в свои права – стало заметно прохладней.

– Подымайся, гусар! Две минуты до отправления, – уже как-то по-доброму сказала Мария, державшая в поднятой руке скрученный в трубочку флажок.

Он докурил сигарету двумя глубокими затяжками и бодро взбежал по лестнице.

– Ну что, Маша, это тебе. Лично! Я же обещал отблагодарить! – он раскрутил свёрток и протянул тонкую бутылку молдавского коньяка «Белый аист».

– Давай по глоточку перед сном? Или как? – спать ему почему-то не хотелось, несмотря на все бурные события и количество потреблённого алкоголя. Только опять начинала болеть голова, требуя продолжения банкета. Скорее всего,

сказывался «нервяк» последних дней, не дававший ни мозгу, ни телу, ни душе успокоиться и даже опьянеть.

– Проходи ко мне в купе. Дверь захлопни и можешь курить. Я сейчас. Отправимся, и я приду. Три минуты! – весело ответила Маша, сверкнув в свете прожекторов своей неповторимой улыбкой.

Потом они ещё часа два пили с Марией коньяк. Точнее, пила в основном Мария – в него уже просто не лезло. Но так не хотелось оставаться одному, на душе опять стало одиноко. Ему надо было кому-то высказаться. И даже лучше, что это был чужой человек, которого, скорее всего, он никогда больше и не увидит. И Мария слушала. Она оказалась хорошей слушательницей. Кивала тогда, когда надо, сокрушённо качала головой, когда следовало, и смеялась, когда он шутил. Было понятно, что она ждёт от него несколько другого, и готова была сама даже сделать первый шаг, но ему абсолютно не хотелось в этот раз переходить тонкую грань. Допив коньяк, Мария погладила его по голове и грустно произнесла:

– Иди-ка ты спать, Максимка. А то утро уже скоро. Всё у тебя будет хорошо.

Он поднялся и побрёл в купе. У соседей продолжался праздник. Вовсю шла дегустация чудо-портвейна. Слышался смех Гены и Вовы, напоминавший ржание породистых жеребцов, регулярно прерываемый громогласными командами Галины:

– А ну тихо, блять! Чё разгалделись, придурки?! Ребёнок

же спит!

Он даже усмехнулся:

– Интересно, как тот ребёнок вообще может спать?! Ничего себе закалочка! Мои и то, наверно, не спят, – он как можно тише отодвинул дверь, так же аккуратно задвинул её, закрывая, поднял щеколду и огляделся. Удивительно, но и Наташа, и Таня спали. Причём было видно, что не изображали сон, а именно спали. Слышалось тихое ровное посапывание. Сказалось, наверно, количество выпитого в ресторане. Он залез на верхнюю полку, лёг и стал смотреть в окно.

Поезд мчался на юг, ритмично отстукивая километры. Громыхал на мостах, пересекая какие-то небольшие речки, чуть притормаживал на семафорах перегонных пунктов и снова набирал скорость. Как будто и самому поезду хотелось как можно быстрее подставить запылённые бока ласковому крымскому солнышку и облиться солёной морской водой. Проносились за окном бесконечные степи и погружённые в сон посёлки, утыканные серебристыми в свете луны пирамидальными тополями. Пронеслось неприятно сумеречное, похожее на огромный спящий муравейник Запорожье, промелькнул тихий, накрытой ярким звёздным покрывалом Мелитополь, поманивший в даль отсветами далёкого Азовского моря... А он всё никак не мог заснуть, смотрел со своей верхней полки в окно. Вот и Джанкой, лиманы, а за ними и Крым... Уже рассветёт вот-вот, а он всё не спит. С усилием отвернулся к стенке и натянул на голову простыню. И тут же

просто провалился в сон.

Казалось, что он закрыл глаза всего минуту назад, когда его разбудила Наташа.

– Максим, вставай! Почти приехали! Айвазовская уже скоро. Не успеешь умыться.

Он слез с полки и посмотрел в окно. Светило вовсю солнце. Совсем другое – крымское. И даже через утреннюю дымку, окутавшую далёкую полосу пляжа, и бледно-голубое море было понятно, что дайте немного времени, и оно прольётся в этот мир и разогреет всё вокруг. Обласкает море и раскалит песок. Он накинул на плечо казённое полотенце со штампом МПС СССР и вышел в коридор. Как того и требовали многолетние традиции путешествий на поезде, в туалет выстроилась приличная очередь. Он занял место за толстой тёткой в спортивном костюме, подождал минуту, пока и его спросили: «Вы крайний?» – и пошёл курить в тамбур. Там было не менее людно. Сразу стало понятно, что очередь в заветную комнату на самом деле гораздо длиннее. Он прикурил у мужика с такой же помятой физиономией, как у него самого, улыбнулся и уставился в окно. Море, вдоль которого ехал поезд, было с другой стороны, а с этой за пыльным стеклом тянулась жёлтая выжженная степь с космами сухой травы и редкими скрюченными деревьями. Скука текущего за окном пейзажа накладывалась на последствия бурной ночи, и от этого начинала болеть голова. Он затушил сигарету и покинул тамбур. Очередь не уменьшалась. Было понятно,

что до Феодосии никак не успеть. Он вернулся к своему купе, постучал и, услышав бодрое «Да-да!», приоткрыл дверь. Татьяна и Наталья встретили его единодушными улыбками и, оглядев, затараторили, перебивая друг друга:

– Ты что, так и не умылся, что ли?!

– Скоро уже подъезжаем! Ты чего? Ты где ходил? Курил?

– Ты посмотри, на кого ты похож! Хотя бы причесался!

– Да и штаны эти переодень!

От этого бодрого и звонкого гвалта голова разболелась ещё больше. Он сморщился и умоляюще произнёс:

– Чуть тише, девчонки! Пожалуйста! В комнату омовений не попасть. Там очередь больше, чем в мавзолей. Достаньте из пиджака пять баксов.

Получив после ворчания и вздохов американскую пятёрку, он направился в купе проводницы.

– Здравствуйте, Мария. К вам можно на секундочку?

Мария смерила его взглядом с ног до головы, усмехнулась и сказала:

– Ну что, Максюш? Головка бобо? Намешал? Ну, заходи, гусар.

Он вошёл, закрыл за собой дверь и попытался сформулировать фразу. Ничего красивого не выходило. Мозг отказывался слушаться.

– Ну, чего молчим? Ночью ты был более разговорчив! Со всем, что ли, плохо? Понятное дело – намешал. Налить? Так-су знаешь. Надеюсь, не забыл за три часа, – проводница рас-

смеялась. – Ладно не буду мучить, а то ещё помрёшь, а мне потом протоколы подписывать. Чего налить? Портвейну?

– Нет. Только не портвейна. Полстакана водки. Только холодной. И из новой бутылки. И ещё. Бутылку пива и пирожок с мясом, типа беляш.

– Полстакана не налью. стакан. Три бакса. Пива нет. Ну правда нет! Всё выпили за ночь. Пирожок есть. Именно типа беляш. Один доллар за пару. Итого с тебя четыре бакса. Знаешь что, гусар, а это в подарок! За стихи и красивые речи. Хотя я думала, что толку с тебя будет больше. – Она достала из холодильника ополовиненную банку с маринованными огурцами и широко улыбнулась:

– Больно компания у вас весёлая была. Да и ты сам ничего мужик. Только молодой пока ещё. Но это скоро пройдёт. И девки твои такие культурные. Может, им чаю сделать? Сладкого? Ещё успеют попить. Или вина? Тоже небось болеют?

Он протянул пятёрку, улыбнулся, собрав последние силы, и произнёс:

– Сдачи не надо. На сдачу открой свой туалет, Маша. Я только умоюсь по-быстрому и челюсти почищу. А чая девушкам принеси. Сладкого. Вина не надо. Они не болеют. Закалка с детства у них. Маша, я тут у тебя потом выпью и покурю. Не прогонишь ведь по старой дружбе?

Облившись по пояс теплой, пахнущей железом и болотом водой, подставив голову под жиденькую струю крана, почистив зубы и причесавшись, он вернулся в купе проводницы.

На столе стоял налитый по ободок гранёный стакан с водкой, лежали на салфетке два беляша, а на отдельном блюде наколотый на вилку огурец, и, как последний мазок художника, завершала натюрморт конфета «Взлётная». Он улыбнулся, взял стакан и тихо сам себе, но почему-то вслух произнёс:

– Ну, полетели!

Отпив половину стакана, он поднял трёхлитровую банку и сделал несколько смачных крупных глотков. Рассол был хорош! Отпил ещё пару глотков, откусил беляш, откинулся на спинку дивана, закурил, закрыл глаза и опять улыбнулся.

– Ну вот и хорошо. Жизнь налаживается. Здравствуй, отдых! Здравствуй, Крым!

Допив стакан, он со вкусом доел пирожок, ещё раз отхлебнул рассолу и, взяв конфету, вышел из купе. Навстречу уже шла проводница.

– Ну как? Полегчало? Вижу, полегчало, – она расплылась в улыбке. – Что бы вы без меня делали?!

– И не говори, Маша! История тебя не забудет! Огромное человеческое спасибо! Век буду за тебя Бога молить! Береги себя. Ты правда очень хорошая женщина. У тебя всё будет хорошо.

– Ну, раз разговорился, значит, и вправду полегчало. Ладно, Максим, иди к своим женщинам. Чаю я им принесла, бельё собрала. Подъезжаем уже. Десять минут, и Феодосия. Да, кстати, там твои соседи так и не проснулись. Я боюсь, они не успеют...

Он задумался. В голове с трудом и со скрипом, но закрылись мысли...

– Точно! Семья же эта «а-ля юра воронцов»... Хорошие парни. Простые. Работяги. Гена и... как его... Вова. Точно. Оба на флоте служили. Северном! И жена его с ребёнком... как её... Галина. Ё... они ж в Харькове десять литров портвейна взяли! И в три ночи ещё всю бухали! Точно не встанут!

Он постучал в дверь их купе. В ответ тишина. Он стал стучать сильнее и не переставая. Наконец послышалось шевеление, и запорная щеколда издала характерный, похожий на выстрел звук. Через секунду дверь резко отъехала в сторону, и в проёме, держась двумя руками за верхние полки, показался человек в тельняшке.

– О! Макс! Это ты? Ты чего не ложишься? Ну ты даёшь! Мы уже все попадали на х... А ты крепкий! Сука это вино, что взяли на остановке. Ну типа портвейн... Пипец какое забористое. Мы по паре литров с Вовой дали, и всё – в ауте. А ты всё куролесишь?

– Гена, дружище! Подъём! Через пять минут Феодосия! Все уже собрались и ждут только вас, чтобы дать команду на причаливание.

– Да ладно! Гонишь, Макс! Какая на х... Феодосия?! Мы только легли, – он высунул голову в коридор, покрутил ею по сторонам, потом встряхнул, как старый пёс, и произнёс: – Чё? Правда, что ль? Феодосия? Ё... – и, повернувшись неуве-

ренно на сто восемьдесят градусов, вдруг закричал, как учили на флоте:

– Па-а-л-л-лундра, братва!

Тут же подпрыгнул спящий на верхней полке Вова, ударился головой о потолок и покатился вниз. Упал на стол, ударился рёбрами и заорал ещё громче:

– Сука! Тонем! Полундра!

Истошно заорал, вторя ему, маленький ребёнок. И наконец басовито, спросонья, ещё не понимая, в чём дело, раздалось громогласное жены:

– А ну, блять, тихо всем! Стоять! Сидеть! Молчать!

Он не стал досматривать, чем закончится побудка в кубрике соседей, и тихонько захлопнул дверь.

– Молодой человек, а что там происходит? Что случилось? Кого-то убили? – спросил пожилой еврей из последнего купе, который уже вытащил свой огромный чемодан в белом, ещё, наверно, царском чехле в коридор в надежде выйти одним из первых.

– Да нет, что вы! Всё нормально! Просто люди проснулись и сейчас ускоренно, по уставу, как учили, готовятся к высадке.

– Как жаль, как жаль... А я думал, что таки убили. После такой ночи это было бы таки справедливо... – И попутчик грустно покачал головой, роняя перхоть на старый твидовый костюм.

Но Максим уже не слышал, что пробубнил себе под нос

этот пожилой товарищ. В тот момент он стучал в дверь своего купе.

Вошёл, когда поезд уже въезжал в город. В окнах замелькали нескончаемые склады, боксы, какие-то заводы и бесконечные портовые краны. В открытое окно пахло креозотом и дымом.

– Я так понимаю, что ты уже похмелился? Смотри, Наташ, посвежел, причесался. Глазки заблестели! Улыбается! Опять портвейн? – весело спросила Татьяна. Она была уже полностью собрана, в элегантном бирюзовом летнем платье и с лёгким курортным макияжем на лице.

– Да я и не сомневалась, куда он пропал. Свинья грязь найдёт. Шучу, шучу! – Наташа улыбнулась. Ей тоже не хотелось начинать утро с разборок.

– Нет, Натуль, не так ты формулируешь мысли. Хотя и учитель. Точнее, не ту цитату использовала. При чём тут свиньи? «Кто ищет, тот всегда найдёт!» Вот! Жюль Верн и Дунаевский в одном флаконе!

– Максим, а что там были за крики? Это тоже ты?

– Ну в каком-то смысле я, конечно. Но не в том, что я кричал. Это я, выполняя свой гражданский долг, разбудил наших соседей. И не дал им возможности начать отдых с похода в ментовку или поездки в депо. Вы же не додумались этого сделать.

– А что были за крики? Мы думали, что-то случилось.

– Всё нормально. Люди тренированные. Всё по уставу.

Произвели побудку, подъём по команде «тревога». Быстро привели себя в порядок. И бодрые и весёлые, как и положено истинным североморцам, сейчас готовятся к выходу, выпивая на посошок оставшиеся пять литров харьковского портвейна.

– Пять литров? На посошок? Да ладно! Ты шутишь!

– Какие могут быть шутки, Танюша! Это же Краснознамённый Северный флот! А Северный флот не подведёт! Не мужики – скалы! Да ты и сама скоро встретишь их на перроне, всю их геройскую семью мореходов. Если захочешь попрощаться, конечно.

– Тань, да что ты его слушаешь?! Он же прикалывается! – сестра расхохоталась.

Было видно, что с настроением у них, несмотря на ранние семь утра, всё хорошо. А теперь, когда и он наконец пришёл в себя, испортить это самое настроение нужно было бы очень сильно постараться.

Вокзал Феодосии, когда-то очень красивое, сталинского ампира здание, встретил их если и не разрухой, то явно неопрятностью и запустением. Было видно, что за три года после СССР ни один маляр-штукатур не подходил к когда-то белоснежным, а сейчас облинявшим серо-жёлтым в потёках стенам. Будто старый дворянин разорился игрой в карты и застрелился, крестьяне разбежались, а его усадьба стоит неухоженная и позабытая, дожидаясь новых владельцев. Обрывки бумаги и скомканные газеты, валявшиеся на

перроне, сообщали вновь прибывшим, что ставки дворников на вокзале давно вакантны.

Выгрузились быстро и бодро зашагали на привокзальную площадь, радуясь набиравшему силу солнышку, новому дню и предстоящему морю.

На площади стоял не по сезону одетый Ильич. В засиженном голубями пальто и не менее грязной кепке, он походил на питерского бомжа. Казалось, что он тоже улыбается и призывно машет рукой всем приехавшим. Словно гвардия вождя, вокруг памятника выстроились ряды женщин. Все крупные и дородные, как на подбор, они держали таблички с адресами и, перекрикивая друг друга, предлагали лучший в мире и не с чем не сравнимый по уюту и сервису частный отдых. Сама площадь была запружена автобусами, уазиками-«буханками», рафиками и автомобилями всевозможных марок. Частные таксисты, в большинстве своём армяне, словно соревнуясь с хором «частных риелторов», наперебой приглашали оценить качество их автомобиля и непревзойдённое мастерство вождения, создавая неповторимую какофонию и при этом усиливая свои призывы звуком новеньких фирменных автомагнитол. И вся эта какофония сплеталась с ароматами бензина, солярки, приносимым ветром с путей запахом креозота и растапливаемых бесчисленных мангалов, закручивалась где-то над головой вождя мирового пролетариата в тугую клубок и плыла над площадью, обдавая только что приехавших незабываемым ощущением первого

посещения южного курорта. Даже не хотелось представлять, что же тут будет твориться днём или вечером, если уже в семь утра жизнь всюю была ключом. Причём почти в буквальном смысле этого слова...

– Ну что, мои дорогие барышни? Что будем делать? Где наши Андрей с Володей? Вы их видели на перроне? Живые они вообще... или как эти... наши соседи... Надо же попрощаться и вообще...

– Так! Максим! Никаких «вообще»! Я прекрасно понимаю, что значит это твоё «вообще»! Сначала селимся, потом отдыхаем. Правильно, Тань?

– Абсолютно правильно, Наташ. Но попрощаться действительно нужно. Ребята хорошие. Мало ли как отдых сложится.

– Именно так, Татьяна Никитична! А вы, Наталья Викторовна, учитесь у старших товарищей! Попрощаться нужно! Но где они есть? Непонятно...

В этот момент за его спиной раздался оглушительный звук автомобильного гудка, от которого он чуть не подпрыгнул. Все обернулись. Рядом остановилась двадцать четвертая «Волга» некогда белого цвета, с огромным розовым покмоном на водительской двери. Из окна на них смотрел, широко улыбаясь и выставив покрытую густым чёрным мехом руку, носатый водитель. С задних пассажирских мест, пытаясь влезть одновременно в открытое окно, высовывали свои головы Андрей и Володя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.